
РОЛЬ И МЕСТО НЕОТЪЕМЛЕМЫХ И ПОДРАЗУМЕВАЕМЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕЗИДЕНТА В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

П.А. Кучеренко

Кафедра конституционного и муниципального права
Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблеме конституционного права Соединенных Штатов Америки, связанной с наличием значительного объема неотъемлемых и подразумеваемых полномочий президента США. Исследуя юридическое и историческое происхождение института американской президентуры, автор дает анализ причин возникновения указанных полномочий, их взаимодействия с явными полномочиями президента, местом в правовой системе страны, соотношением с конституционным принципом разделения властей.

Ключевые слова: Конституция США, Президент США, Конгресс США, принцип разделения властей, явное полномочие, неотъемлемое полномочие, подразумеваемое полномочие.

Исходной проблемой дискуссии о неотъемлемых и подразумеваемых полномочиях президента США является вопрос о том, насколько верны представления о том, что отцы-основатели усвоили традиционные британские взгляды на саму природу исполнительной власти. В частности, некоторые американские исследователи полагают, что идея неотъемлемых полномочий исполнительной власти в области национальной безопасности разделялась отцами-основателями потому, что они ставили знак равенства между категорией «исполнительная власть» и категорией «королевская прерогатива» [12. Р. 48].

Ключевыми источниками для проверки этого допущения являются Второй Трактат об Управлении Джона Локка, дебаты Федерального Конвента по вопросу об институте президента и публичная дискуссия 1793 г. между Гамильтоном и Мэдисоном по вопросу о природе и источниках президентской власти.

Внутриполитическая обстановка в 1787 г. как раз накануне принятия федеральной Конституции США была такова, что в контексте национальной безопасности гораздо важнее было обеспечить верховенство решений общенационального характера над конфликтующими интересами штатов и, как следствие, усилить власть президента, чем детально проработать механизм сдержек и противовесов *внутри* федерального уровня публичной власти [13. Р. 73-150].

Уже после принятия Конституции вопрос о природе и источниках президентской власти развел по разные стороны идеологического ринга бывших соавторов «Федералиста», а именно Александра Гамильтона (радикального пре-

зиденциалиста) и Джеймса Мэдисона (столь же радикального конгрессиста). До сих пор дискуссия Пацификуса и Гельвидиуса 1793 г. является отправной точкой и современных дебатов о характере президентских полномочий.

Трудно оспорить господствующее в литературе мнение, что институт президента был новеллой для государственного права конца XVIII в., когда исполнительная власть во всем цивилизованном мире оставалась монархической. Однако учредители американской Конституции столкнулись с фундаментальной дилеммой всех новаторов политической организации общества: с одной стороны, они хотели создать *качественно новый* институт государственного управления, с другой стороны, им был известен только опыт *монархической* Европы.

Из этой дилеммы есть только два выхода, и оба дискуссионные. Первый путь в итоге приводит к концепции исполнительных полномочий президента как полномочий «демократического монарха» (путь Гамильтона), второй путь выводит к той или иной модификации политической теории Локка, т.е. к концепции верховенства парламента, в том числе и над *всеми* полномочиями президента (путь Мэдисона).

Как бы то ни было, американский конституционализм около 1776 г. определяли так называемые антиэзекутивисты, т.е. противники независимых от парламента полномочий органов исполнительной власти штатов. Однако десятилетие спустя этот перекося был ликвидирован уже в контексте усиления федерального уровня государственной власти, когда на повестку дня встал вопрос о придании федеральному президенту таких полномочий, которым губернаторы штатов не могли бы противопоставить ничего соразмерного.

Тем не менее президентциалистам, т.е. сторонникам президентской исполнительной прерогативы, трудно будет доказать, что к моменту принятия федеральной Конституции маятник в противостоянии конгрессистов и президентциалистов сильно сместился в пользу последних. Интуиция о том, что отцы-основатели просто некритически усвоили британскую концепцию королевской исполнительной прерогативы и перенесли ее на американскую почву, не является серьезным аргументом.

Между тем найти в тексте Конституции явные свидетельства в пользу конгрессистов и, соответственно, против президентциалистов не так уж и сложно, если согласиться с тем, что Исполнительная Клаузула (президент является главой исполнительной власти), Клаузула Верховного Главнокомандования и Клаузула о международных договорах Статьи Второй («тройка козырей» президентциалистов США) вовсе не перекрывают полномочия Конгресса в силу Статьи Первой, Секции 8, тем более не могут придать им вторичный статус.

Понятие «прерогатива исполнительной власти», прежде всего, означает власть, непрозрачную для парламента и в принципе неподконтрольную ему. Не только содержание, но также форма и структура Конституции США свидетельствуют о том, что ее учредителям претила монархическая конструкция так называемого *неответственного* министерства, которую до сих пор поддерживают сторонники североамериканского президентциализма.

Что касается королевской прерогативы принимать решения в сфере национальной безопасности, то британские монархи XVIII в. и в самом деле не нуждались в разрешении парламента объявлять войну или заключать те или иные международные договоры. Впрочем, королевская прерогатива не была беспредельна: парламент мог ее ограничить посредством своей бюджетной и налоговой прерогативы. При восстановлении монархии и призвании на престол Карла Второго британский парламент принял в 1660 г. Акт о демобилизации (*Disbanding Act of 1660*), которым были распущены воинские части предыдущего (кромвелевского) десятилетия. В течение десятилетия король мог «набирать столько солдат, сколько потребуется королю, при условии, что он сможет платить за их содержание» [15. Р. 75].

Поколение спустя в эпоху Славной Революции 1689 г. британский парламент вновь вернулся к идее постоянной (регулярной) армии. Статья Шестая Декларации прав, принятой в феврале 1689 г., закрепляла, что «набор и содержание постоянной армии в пределах Королевства является противоправным, если на это не было получено согласие Парламента». По мнению некоторых исследователей Декларации прав 1689 г., указанная новелла была «самой важной статьей» [16. Р. 72] данного Акта. Парламент инициировал практику ежегодного вотирования средств, необходимых на содержание армии. Учитывая возрастающее военно-политическое присутствие Англии на европейском континенте, это инновация гарантировала заинтересованность короля в ежегодных сессиях парламента.

Взросшая способность британского парламента ограничивать королевскую прерогативу в вопросах национальной безопасности получила теоретическое освещение в двух Трактатах об управлении Джона Локка. За полстолетия до Монтескье Локк предложил модель разделения *внутренних* функций публичного управления не на три ветви (законодательную, исполнительную и судебную), как у Монтескье, а на три *формы* власти: законодательную, исполнительную и федеративную.

При этом в объем федеративной формы Локк включил «власть войны и мира, союзов и альянсов и всех транзакций с лицами и сообществами за рамками Содружества (*Commonwealth*)» [7. Р. 365]. Локк отмечал, что природа исполнительной и федеративной власти различна, хотя они почти всегда объединены в одном и том же органе. Исполнительная власть по определению предполагает исполнение государственных законов сообщества *внутри* него самого. Федеративная же власть, напротив, гораздо хуже приспособлена для того, чтобы направляться предшествующими во времени позитивными законами, чем исполнительная власть. Функция федеративной власти заключается в том, чтобы давать ответ на непредсказуемые действия «иностранцев». Соответственно, для осуществления федеративной власти требуется гораздо более «осмотрительности и мудрости», чем для простого исполнения закона [7. Р. 365–366].

В главе 13 Второго Трактата об Управлении Локк рассматривает вопрос о субординации трех форм власти Содружества и четко заявляет, что в «консти-

туционном Содружестве» законодательная власть по необходимости является верховной, в то время как все другие власти «производны от законодательной власти и ей подчинены» [7. Р. 368]. Фактически Локк не оставляет никакого шанса президенталистам, специально оговаривая власть парламента «взять обратно» (to resume) полномочия, которыми парламент наделил органы исполнительной и федеративной власти, поскольку обе эти власти «являются министеральными (т.е. служебными — *П.К.*) и подчинены законодательной власти» [7. Р. 369].

Будучи не только конституционалистом, но и реалистом, Локк допускал, чтобы носители, прежде всего, федеративной власти могли пользоваться весьма широким усмотрением в решении тех задач, которые не предвидели и поэтому не урегулировали законодатели. Императивом и одновременно границей такого усмотрения, по Локку, всегда является «публичное благо» [7. Р. 375]. Указанное усмотрение Локк готов признать *прерогативой* федеративной власти, но лишь в силу ее необходимости и удобства, а не в силу ее «неотъемлемости».

Если политическая мысль Локка оказала большое влияние на североамериканских колонистов уже во второй половине XVIII в., в чем многие согласны, тогда первые американские конституционалисты около 1776 г. должны были одновременно видеть:

- а) ценность дискреционной прерогативы исполнительно-федеративной власти и
- б) необходимость ее конституционного ограничения.

Многие американские конституционалисты конца XVIII в. были творческими локкианцами. Так, Джеймс Вильсон, а затем и Джеймс Мэдисон пришли к выводу, что полномочия, которые Локк обозначил как «федеративные» и которые он рассматривал в связке с исполнительными полномочиями, не являются по своей природе неотъемлемой прерогативой исполнительной власти. Другими словами, отцы-основатели не видели препятствий для того, чтобы, по крайней мере, часть федеративных полномочий (в терминологии Локка) распределить между Конгрессом и президентом.

Как известно, в идеологической борьбе американских федералистов против контрфедералистов победили первые. Камнем преткновения в этом идеологическом противостоянии был вопрос о федеральной исполнительной власти, достаточно сильной, чтобы преодолеть возможное соперничество со стороны губернаторов штатов. На этом основании Александр Гамильтон первоначально даже предлагал ввести институт пожизненного президента. После принятия Конституции США наметилась новая линия идеологического противостояния между бывшими соратниками победившего федерализма, а именно конгрессистом (и ориджиналистом) Джеймсом Мэдисоном и президенталистом (и нон-ориджиналистом) Александром Гамильтоном.

Поводом для начала «боевых действий» между бывшими соратниками стала изданная в 1793 г. президентом Вашингтоном Прокламация о нейтралитете США в войне реакционной Великобритании против революционной Франции.

Под псевдонимом «Пацификус» Гамильтон написал статью, которую посвятил анализу полномочия Конгресса объявлять войну. Итогом статьи было утверждение, что внешнеполитические (федеративные — в терминологии Локка) полномочия Конгресса представляют собой «изъятия и ограничения» («*exsertions and qualifications*») Статьи Второй Конституции США, наделяющей президента общим полномочием главы исполнительной власти [4. Р. 805].

В своей ответной статье под псевдонимом «Гельвидиус» Мэдисон открыто обвинил Гамильтона в попытке навязать американскому политическому сознанию и практике монархические идеи, несовместимые с республиканскими принципами 1776 и 1787 гг. В этой же статье Мэдисон доказывает, что аргументация Гамильтона фактически повторяет логику британских комментаторов, которые рассматривали королевские прерогативы в системе британского управления как «прерогативы исполнительной власти» [11. Р. 545].

В последующих статьях Мэдисон применил новую тактику для критики взглядов Гамильтона. Для этого Мэдисону было достаточно поднять архивы «Федералиста» (№ 75) и сопоставить взгляды Гамильтона-Публиуса и взгляды Гамильтона-Пацификуса. Если «Публиус» настаивал на том, что внешнеполитические полномочия нельзя отождествлять с исполнительной властью, то «Пацификус» уже настаивал на том, что внешняя политика — это *неотъемлемое* или *подразумеваемое* полномочие Президента США. Фактически Мэдисон стал родоначальником вышерассмотренной идеологии ориджинализма, которая, быть может, возникла бы значительно позднее, если бы Гамильтон как один из первых нонориджиналистов не взял на себя смелость дать «инновационную интерпретацию» нормативного текста Конституции США.

Дискуссия Гамильтона и Мэдисона более чем 200-летней давности до сих пор определяет, быть может, центральный вопрос конституционного права США о том, какова природа и объем президентских полномочий и насколько уместно выделять *внутри* президентской власти некое «неотъемлемое ядро»? До сих пор исследователи президентских полномочий обычно начинают с этимологического анализа прилагательного «неотъемлемый» (*inherent*).

Господствующее мнение в американской юридической литературе таково, что первое базовое различие между разными аспектами президентских полномочий проходит по границе между «явными» (*express*) и «подразумеваемыми» (*implied*) полномочиями президента США. При этом явные полномочия нормативны по своей природе — они четко зафиксированы и — что то же — детально перечислены в тексте Конституции. Подразумеваемые полномочия — вторичны, т.е. производны от явных. Иначе говоря, подразумеваемые полномочия могут быть выведены логическим путем из анализа соответствующих явных полномочий [3. Р. 1].

Нередко исследователи используют термины «подразумеваемые полномочия» и «неотъемлемые полномочия» как синонимы, но такое отождествление вряд ли допустимо с точки зрения этимологии. Юридический словарь Блэка дает следующее определение понятию «неотъемлемое полномочие» (*inherent*

power): «Власть, обладание которой не зависит от ее производности от другой власти. Полномочия сверх и помимо тех, которые в явной форме предоставлены Конституцией или могут быть приемлемо (reasonably) выведены (implied) из явных полномочий» [1. P. 703].

Интересно, что данное определение еще можно найти в шестом издании Юридического словаря Блэка (1990), но в новейшем восьмом издании 2004 г. оно было вытеснено другой «более современной» дефиницией неотъемлемых полномочий: «Власть по необходимости производная от должности, положения или статуса» [2. P. 1208]. Помимо того что данная метаморфоза с определением «неотъемлемых полномочий» в самом авторитетном англо-американском юридическом словаре свидетельствует о том, что в США даже этимология должна учитывать «политический момент», она также отражает и степень перекоса между нормативным и политическим конституционным правом США далеко не в пользу первого.

Если двумя важнейшими целями конституции цивилизованной нации является (1) точное определение и ограничение полномочий органов государственной власти и (2) защита личных прав и свобод, то какую функцию в этой системе могут играть «неотъемлемые полномочия» органов исполнительной власти? По мнению многих американских конституционалистов-ориджиналистов, неотъемлемые полномочия по существу представляют собой бланкетные полномочия, т.е. открытые для любых материальных целей и процессуальных модификаций.

Категория «неотъемлемых полномочий» открывает «ящик Пандоры» для любых злоупотреблений власти. Что собственно «неотъемлемо» или «присуще» институту президента как таковому и почему, когда мы говорим о «неотъемлемости», речь почти всегда идет только об органах исполнительной власти? Специфика «неотъемлемости» исполнительных полномочий президента США проявляется и в том, что неопределенность этого понятия легко ассимилирует представления об их верховенстве, а также исключительности и вечности.

Быть может, самый главный аргумент против понятия «неотъемлемых полномочий» исполнительной власти заключается в абсурдности и внутренней противоречивости этого понятия. Противоречивость заключается в том, что идея неподвижности и постоянства характеристик этих полномочий используется всякий раз для того, чтобы представить в качестве вечного и неизменного независимую и непрозрачную для Конгресса реакцию исполнительной власти на динамику политической конъюнктуры.

Впрочем, сторонники концепции неотъемлемых полномочий обычно используют исторические аргументы. Классический пример: чрезвычайные акты президента Абрахама Линкольна в начале Гражданской войны. В апреле 1861 г. он приостановил действие Habeas corpus — Акта, изъясл фонды Казначейства, призвал на службу ополченцев штатов и подверг блокаде восставшие штаты без предварительной санкции Конгресса.

Однако при всем этом Линкольн не стал взывать к политической мифологии «неотъемлемых полномочий» президента. Линкольн просто заявил о своем праве принимать решения во имя публичного блага в чрезвычайной ситуации несмотря на отсутствие закона и даже вопреки наличному, но неэффективному закону. Линкольн не ставил под сомнение верховенство Конгресса и его полномочие заслушать отчет президента о всех предпринятых им мерах, а также рассмотреть вопрос об их законодательном закреплении [14. Р. 3325]. В частности, Линкольн был уверен в том, что приостановка им Habeas corpus — Акта не превышала полномочий Конгресса. Другими словами, Линкольн не противопоставлял Статью Первую и Статью Вторую Конституции США («синдром Гамильтона»), которым до сих пор страдают радикальные президенталисты). Напротив, Линкольн рассматривал Статью Первую (полномочия Конгресса) и статью Вторую (полномочия президента) в их структурном единстве.

Президенты США конца XX — начала XXI в. — в отличие от правоведов — обычно не считают необходимым искать исторические параллели для оправдания своих действий. Попытки опереться на исторические традиции могут быть даже контрпродуктивными. Достаточно представить ситуацию, когда президент Джордж Буш-младший для оправдания действий ЦРУ будет ссылаться на приостановление президентом Линкольном Habeas corpus — Акта. Впрочем, президенты вроде Джорджа Буша-младшего обычно не утруждают себя изучением исторических фактов: они просто ссылаются на «неотъемлемые полномочия» президента.

Мы уже видели выше, что понятие «неотъемлемые полномочия» президента содержит относительно прозрачный намек на то, что эти полномочия являются производными от власти Конгресса. Отсюда делается вывод, что в рамках этих полномочий американский президент неподотчетен Конгрессу. Учитывая аморфность понятия «неотъемлемости», указанные полномочия можно трактовать и как *независимые*. Тогда можно сделать вывод, что эти полномочия вообще не зависят от механизма сдержек и противовесов. Следовательно, неотъемлемые полномочия президента США не только непрозрачны для Конгресса, но и «не подлежат судебным ограничениям» [6. Р. 36].

Такие аргументы, например, можно обнаружить в одиозном Меморандуме о пытках [9], подготовленном Управлением правовой помощи при президенте США. Интересно, что и судебная власть, в частности Ревизионный Суд по надзору за внешней разведкой США (Foreign Intelligence Surveillance Court of Review), находится под очарованием концепции «неотъемлемых полномочий» президента. «Мы рассматриваем как само собой разумеющееся, что президент действительно обладает неотъемлемым полномочием (does have inherent power) производить обыски без судебного распоряжения в целях получения разведывательной информации, и (соответственно) Акт о надзоре за внешней разведкой США не может посягать на конституционную (sic! — П.К.) власть президента» [5].

По мнению профессора Кинкофа, президент США не обладает неотъемлемыми полномочиями в узком значении этого слова (например, в понимании

Фишера — см. выше). Однако он обладает *подразумеваемыми* полномочиями [6. Р. 37]. Кинкофф, впрочем, полагает, что разница между понятиями «неотъемлемое полномочие» и «подразумеваемое полномочие» не имеет практического значения, поскольку согласно Статьи Второй, Секции 1, предложения 1 «любое полномочие, о котором можно сказать, что оно неотъемлемо от должности президента, может быть рассмотрено и как подразумеваемое полномочие в силу наделения президента «исполнительной властью» [6. Р. 37].

Проблема неотъемлемых полномочий президента согласно Кинкоффу приобретает доктринальный смысл лишь в контексте действия принципа сдержек и противовесов. В этом случае вопрос можно переформулировать следующим образом: обладает ли президент США властью, которая по преимуществу или вообще не подлежит ограничению со стороны Конгресса?

Кинкофф видит четыре возможных ответа.

1. Президент США может иметь *неотъемлемые* полномочия в том смысле, что они вообще не подлежат ограничению со стороны Конгресса.

2. Президент США может обладать исключительными, т.е. *подразумеваемыми конституционными* полномочиями, которые не могут быть ограничены (простыми) Актами Конгресса.

3. Президентские полномочия, которые пересекаются с полномочиями Конгресса, могут быть ограничены Актами Конгресса.

4. Независимо от того, какие полномочия имеет Конгресс в части ограничения власти президента, их практическое применение будет неэффективно [6. Р. 37].

Неотъемлемые полномочия президента. Как отмечалось выше, учредители Конституции США, выступая за сильную федеральную исполнительную власть, в то же время отрицали концепцию неотъемлемых полномочий. Их целью было наделить Конгресс «открытым перечнем» абстрактных полномочий, а президенту предоставить, прежде всего, пронумерованные и конкретные полномочия. Вместе с тем отцы-основатели вмонтировали в Конституцию так называемую Генеральную клаузулу исполнительной власти (Статья Вторая, Секция 1, предложение 1), согласно которой президент США «является главой исполнительной власти». Эту клаузулу президенталисты нередко интерпретируют в том смысле, что президент США обладает национальной исполнительной властью *per se*. Следовательно, никакой другой орган не вправе «посягать на Акты президента», так как формально любой его акт можно интерпретировать как акт исполнительной власти.

После принятия Конституции функция ее интерпретации явочным порядком стала одной из главных функций Верховного Суда в рамках доктрины судебных полномочий. Краеугольным камнем этой доктрины по праву считается дело «Марбэри против Мэдисона», в котором Главный Судья Маршалл (см. выше параграф 2.1), опираясь на понятие «природа и характер Конституции» сформулировал тезис, что «Конституция учредила федеральное правительство в качестве правительства ограниченных и пронумерованных полномочий (a government of limited and enumerated powers)» [6. Р. 37].

По мнению Маршалла, «различие между правительством с ограниченными и неограниченными полномочиями уничтожается, если эти ограничения не сдерживают лиц, к которым они применяются» [8]. Другими словами, цель писаной конституции заключается как раз в том, чтобы учредить объем и границы публичного управления. Если бы правительство или какой-либо институт государственной власти могли бы черпать полномочия из альтернативных источников, не подлежащих конституционному ограничению, то в этом случае конституция теряла бы свое значение как высшего закона, и тогда вообще нет смысла в том, чтобы писать конституцию.

Исключительные полномочия президента. Конструкция «исключительных полномочий» президента в отличие от категории «неотъемлемых полномочий» сразу же переводит дискуссию между сторонниками и противниками широкого толкования президентской власти в предметное русло. Так, президенталисты могут утверждать, что значительная часть полномочий президента вообще не подлежит надзорной компетенции Конгресса по той причине, что Конституция сама разводит власть Конгресса и власть президента по разным сферам, которые могут и должны соприкасаться, но не должны пересекаться.

Таким «непересекающимся» полномочиям президента Конгресс по Конституции вообще ничего не может противопоставить. Правда, президенталистам и в этом случае не так-то просто обосновать свою методологию интерпретации Конституции. Остается вопрос, почему президенталисты склонны толковать полномочия президента предельно широко, а полномочия Конгресса предельно узко. Как бы то ни было, признавая институт исключительных полномочий президента, президенталистам, прежде всего, важно доказать, что Конгресс не имеет право законодательствовать в тех сферах, где Акты президента черпают свою юридическую силу «исключительно из текста Конституции».

Эта тактика мастерски используется Управлением правовой помощи при президенте США. В частности, в 1986 г. в Управление правовой помощи из Администрации президента поступил запрос дать толкование Секции 501 Акта о Национальной Безопасности, которая предусматривает «своевременное уведомление» (*timely notification*) Конгресса о всех дипломатических контактах президента. Управление правовой помощи дало следующее заключение о полномочиях президента в рамках Секции 501 указанного Акта: «Полномочия президента действовать в области международных отношений носят пленарный и исключительный характер. Они не подлежат законодательным ограничениям за исключением тех ограничений, которые производны от соответствующих положений самой Конституции» [10. Р. 164]. Относительно аналогичных полномочий Конгресса Управление правовой помощи дало следующее (предельно узкое) заключение: «В сфере международных отношений Конституция наделила Конгресс *только* теми полномочиями, которые прямо предусматривают власть законодательного органа в отношении американских граждан» [10. Р. 161]. Другими словами, по мнению экспертов из Управления правовой помощи, у Конгресса нет полномочий накладывать ограничения на исполнительную власть.

Контрольные полномочия Конгресса. Анализ проблематики президентской власти в США для конгрессистов может быть утешителен лишь в нескольких аспектах.

Во-первых, «неотъемлемые полномочия» (inherent powers) президента США не являются независимыми от Конституции. В этом смысле нетрудно будет доказать, что склонность президенциалистов рассматривать институт президента как некий параллельный источник полномочий, который автоматически наделяет лиц, вступающих в должность президента США, открытыми (open-ended) и непрозрачными для Конгресса полномочиями, несовместима с Конституцией США.

Во-вторых, *подразумеваемые конституционные* полномочия (implied powers) президента всегда являются продолжением его конкретных (specific) полномочий, заявленных в нормативном тексте Конституции. Нет оснований считать, что подразумеваемые конституционные полномочия президента не могут стать предметом законодательного уточнения хотя бы посредством деклараторных норм Актов Конгресса, *конкретизирующих* и тем самым ограничивающих эти полномочия.

В-третьих, в той части, в которой конституционные полномочия президента пересекаются с полномочиями Конгресса, а таких примеров достаточно, принцип сдержек и противовесов как системообразующее начало американской Конституции предполагает необходимость разработки механизма компромиссов, а не одностороннюю глорификацию исполнительной власти в ущерб власти Конгресса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Black H.C.* Black's law dictionary, 5th ed. — St. Paul, MN: West Publishing, 1979.
- [2] *Black H.C.* Black's law dictionary, 8th ed. — St. Paul, MN: Thompson West, 2004.
- [3] *Fisher L.* Invoking Inherent Powers: A Primer // *Presidential Studies Quarterly*. — Nr. 37/1. — March 2007.
- [4] *Freeman J.* Alexander Hamilton: Writings. — New York: Library of America, 2001.
- [5] *In re Sealed Case*, 310 F.3d 717, 742 (2002).
- [6] *Kinkopf N.* Inherent Presidential Power and Constitutional Structure // *Presidential Studies Quarterly*. — Nr. 37/1. — March 2007.
- [7] *Locke J.* Two treatises of government, edited by Peter Laslett. — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1690.
- [8] *Marbury vs. Madison*. 5 U.S. (1 Cranch) 137, 177 (1803).
- [9] Office of Legal Counsel Standards of conduct for interrogation under 18 U.S.C. §§ 2340-2340A. 2002 OLC Lexis 19.
- [10] Office of Legal Counsel. 1986. The president's compliance with the «timely notification» requirement of Section 501(B) of the National Security Act.
- [11] *Rakove J.N.* James Madison: Writings. — New York: Library of America, 1999.
- [12] *Rakove J.N.* Taking the Prerogative Out of the Presidency // *Presidential Studies Quarterly*. — Nr. 37/1. — March 2007.
- [13] *Reveley W.T.* 1974. Constitutional allocation of the war powers between the president and Congress, 1787-1788 // *Virginia Journal of International Law*. — Nr. 5. — 1974.

- [14] *Richardson J.D.* ed. A compilation of the messages and papers of the presidents. — New York: Bureau of National Literature, 1897. — Vol. 7.
- [15] *Schwoerer L.G.* «No standing armies!»: The anti-army ideology in seventeenth-century England. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1974.
- [16] *Schwoerer L.G.* The Declaration of Rights, 1689. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.

**ROLE AND PLACE
OF THE INHERENT AND IMPLIED PRESIDENT POWERS
IN THE CONSTITUTIONAL GOVERNANCE SYSTEM
OF THE UNITED STATES OF AMERICA**

P.A. Kucherenko

The Department of Constitution and Municipal Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article covers the problem of constitutional law in the United States of America, connected with the presence of considerable scope of inherent and implied powers of the US president. Investigating legal and historical origin of American presidency institution, the author makes the analysis of reasons of the specified powers occurrence, their interaction with the president express powers, their place in legal system of the country and correlation with the constitutional principle of the authorities division.

Key words: Constitution of the USA, President of the USA, Congress of the USA, principle of division of authorities, express power, inherent power, implied power.